

Элегантная классика
ТЕМНАЯ ЛЮБОВЬ

Тайное ПОКЛОНЕНИЕ

Сборник рассказов
зарубежных писателей

Москва
2024

УДК 821.111-32
ББК 84(0)-44
Т14

Художественное оформление переплёта
Натальи Каитыжиной

Тайное поклонение : сборник рассказов зарубежных писателей : [перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Элегантная классика. Темная любовь).

ISBN 978-5-04-190973-4

Включенные в сборник произведения английских, ирландских, шотландских, американских писателей XIX –XX веков объединяет тема чёрной магии и дьяволопоклонничества.

Магические ритуалы, оккультные обряды, загадочные происшествия, сделки с дьяволом, предметы выполняющие желания, но забирающие многое взамен, месть с помощью чёрной магии, секта. Местами курьёзные, местами мрачные и пугающие истории от Вашингтона Ирвинга, Джозефа Шеридана ле Фаню, Роберта Льюиса Стивенсона, Шарлотты Ридделл, Брэма Стокера, Уильяма Уаймарк Джейкобса, Монтегю Родса Джеймса, Элджернона Блэквуда, Артура Грея и Роджера Патера.

УДК 821.111-32
ББК 84(0)-44

- © Антонов С., составление, перевод на русский язык, 2024
- © Брилова Л., перевод на русский язык, 2024
- © Бобович А., перевод на русский язык. Наследники, 2024
- © Токарева Е.О., перевод на русский язык, 2024
- © Волжина Н., перевод на русский язык. Наследники, 2024
- © Озерская Т., перевод на русский язык. Наследники, 2024
- © Полищук В., перевод на русский язык, 2024
- © Харитонов В., перевод на русский язык. Наследники, 2024
- © Ибрагимов А.Ш., перевод на русский язык, 2024
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190973-4

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

1783—1859

ДЬЯВОЛ И ТОМ УОКЕР

В Массачусетсе, недалеко от Бостона, есть небольшая, но глубокая бухта, которая, начинаясь у Чарльз-Бей, вдаётся, делая петли, на несколько миль в материк и упирается в конце концов в заросшее густым лесом болото или, вернее, топь. По одну сторону этой бухточки тянется прелестная тенистая роща, тогда как на противоположном ее берегу, у самой воды, круто вздымается довольно значительная возвышенность, на которой растет несколько одиноких старых могучих дубов. Под одним из этих гигантских деревьев, как повествует предание, были зарыты сокровища Кидда. Наличие бухты позволило ему без особых хлопот, глухой ночью и сохраняя полнейшую тайну, перевезти в лодке свою казну к самой подошве возвышенности; высота места облегчила возможность удостовериться в том, что по-

близости нет посторонних свидетелей; и, наконец, деревья, приметные издали, служили отличными вехами, с помощью которых впоследствии можно было бы без труда разыскать спрятанный клад. Предание добавляет также, будто руководство во всем этом деле принадлежало не кому иному, как самому дьяволу, который и взял под свою охрану сокровища Кидда; известно, впрочем, что совершенно так же он поступает со всеми припрятанными богатствами, в особенности если они добыты нечистым путем. Как бы там ни было, но Кидду так и не удалось возвратиться назад и воспользоваться своими деньгами: вскоре он был арестован в Бостоне, отвезен в Англию, осужден как пират и повешен.

В 1727 году, то есть в том самом году, когда Новую Англию постигли страшные землетрясения, побудившие многих закоренелых грешников преклонить в молитве колени, близ этого места проживал тощий скаредный малый по имени Том Уокер. Жена его отличалась такой же скаредностью; они были настолько скаредны, что постоянно норовили как-нибудь обмануть друг друга. Все, до чего добиралась рука этой женщины, тотчас же попадало в ее тайники; не успеет, бывало, закудахтать во дворе курица, как она тут как тут, чтобы завладеть свежеснесенным яйцом. Ее муж постоянно рыскал по дому в поисках ее тайных запасов, и немало жарких споров происходило у них из-за того, что обычно считается общою собственностью. Они обитали в ветхом, одиноко стоявшем, с виду даже вовсе необитаемом доме, который всем своим обликом напоминал голодающего. Вокруг него росло несколько красных кедров, которые, как известно, являются эмблемой бесплодия; над его трубою никогда не вилял дымок, ни один путник не останавливался у его двери. Жалкая тощая лошадь — ее ребра можно было пересчитать с такою же легкостью, как прутья рашпера, — уныло бродила на небольшом поле у дома, и тонкий слой мха, едва прикрывавший находившийся под ним щебень, терзал и обманывал

ее голод. Выглядывая порой поверх изгороди, она жалобно смотрела в глаза прохожему и молила, казалось, о том, чтобы ее взяли с собой из этой страны вечного голода.

И дом, и его обитатели пользовались дурной славой. Жена Тома была на редкость сварлива, обладала вздорным нравом, неутомимым языком и тяжелой рукой. Нередко можно было услышать ее пронзительный голос во время словесных перепалок с супругом, а его лицо время от времени явственно свидетельствовало о том, что эти сражения не всегда оставались чисто словесными. По этой причине никто не отваживался вмешиваться в их ссоры. Одинокий путник, заслышав внутри дома крики и брань, норовил прошмыгнуть где-нибудь стороной, бросал косые взгляды на это царство раздора и радовался — если был холост, — что не познал прелестей брака.

Уйдя однажды на порядочное расстояние от дома, Том Уокер решил возвратиться кратчайшим путем — так, по крайней мере, ему казалось, — через болото. Как большинство кратчайших путей вообще, это была неудачно выбранная дорога. Болото заросло большими мрачными соснами и хемлоками, иные из них достигали девяноста футов высоты; поэтому даже в полдень в этих зарослях царил полумрак, что делало их убежищем для сов всей округи. Тут было множество ям и топей, лишь слегка прикрытых травой и мхом; их зелень нередко обманывала неосторожного путника, и он попадал в трясины, где его засасывала черная, вязкая грязь; тут были также темные замшелые лужи, приют головастиков, исполинских лягушек и водяных змей, и лежавшие в этих лужах наполовину затонувшие стволы гниющих сосен и хемлоков были похожи на зарывшихся в грязь дремлющих аллигаторов.

Том долго и осторожно пробирался через этот предательский лес. Он перепрыгивал с кочки на кочку, но это были не слишком надежные точки опоры среди глубокой трясины, или ловко как кошка, тщательно рассчитывая шаги, подвигался вперед по стволам поваленных бурей деревьев, оста-

навливаясь время от времени при неожиданном вскрике выпи или кряканье дикой утки, поднявшейся с какого-нибудь уединенного озера. Наконец он достиг участка твердой земли, которая, наподобие полуострова, была окружена с трех сторон болотной топью. Это место было оплотом индейцев во время их войн с первыми колонистами. Здесь они воздвигли нечто вроде редута, на который смотрели как на почти неприступное укрепление и которым пользовались в качестве убежища для своих жен и детей. От старого укрепления, впрочем, не осталось почти ничего; разве только невысокая насыпь, которая, постепенно разрушаясь, почти сровнялась с землей и успела порости дубами и другими деревьями, листва которых составляла резкий контраст темным соснам и хемлокам, что высились на болоте.

Когда Том Уокер добрался до старого укрепления, было уже не рано, близились сумерки. Он остановился, чтобы немного передохнуть. Всякий другой постарался бы не задерживаться в этом глухом, навевающем тоску месте, ибо в народе ходили о нем скверные слухи, порожденные рассказами времен ожесточенной борьбы с индейцами: утверждали, будто именно здесь происходили их колдовские шабаши и жертвоприношения в честь злого духа.

Подобные страхи, однако, были Тому Уокеру нипочем. Он отдыхал на стволе сломанного хемлока, прислушивался к зловещему кваканью древесной лягушки и расковыривал палкой кучку черной земли рядом с собой. Продолжая бессознательно раскапывать землю, он почувствовал, как его палка наткнулась на что-то твердое. Он выгреб из образовавшейся ямки слежавшийся в ней перегной, и перед ним оказался расколотый череп с глубоко вонзившимся в него томагавком. Ржавчина на его лезвии указывала на время, прошедшее с той поры, как был нанесен этот смертельный удар. Это было мрачное напоминание о кровавой борьбе, разразившейся в этой последней твердыне индейских воинов.

— Гм, — буркнул Том Уокер, ударив череп ногою, чтобы стряхнуть с него налипшую грязь.

— Оставь этот череп в покое, — произнес чей-то грубый и хриплый голос.

Том поднял глаза и увидел перед собою широкоплечего черного человека, сидевшего прямо против него на пне. Его поразило, что он не слышал и не видел, как появился его собеседник, и он пришел в еще большее изумление, когда, насколько позволила сгустившаяся мгла сумерек, рассмотрел незнакомца и обнаружил, что тот не негр и не индеец. Хотя он и был одет в грубую, наполовину индейскую одежду и обмотал вокруг своего тела красный пояс, вернее, шарф, но его лицо не было ни черным, ни медно-красным, а скорее смуглым, закопченным и измазанным сажей, точно он постоянно работал у горна. Его голову венчала копна черных, торчавших во все стороны жестких волос; на плече он держал топор.

Несколько мгновений он внимательно рассматривал Тома, устремив на него взгляд больших красных глаз.

— Что тебе надо в моих владениях? — спросил черный человек грубым и злобным голосом.

— В твоих владениях? — ответил Том, усмехаясь. — Не больше твоих, чем моих; они принадлежат дьякону Пибоди.

— Будь он проклят, твой дьякон Пибоди! — сказал незнакомец. — Я надеюсь, что так и случится, если он не подумает о своих собственных прегрешениях и не оставит в покое грехи своих ближних. Взгляни-ка туда, и ты увидишь, как обстоят дела дьякона Пибоди.

Том посмотрел в указанном направлении и увидел большое дерево, сильное и красивое с виду, но насквозь гнилое; оно было подрублено с одной стороны. Он понял, что час этого дерева пробил и первым же ветром оно будет свалено на землю. На коре дерева было вырезано имя дьякона Пибоди, человека в этих местах значительного, нажившегося на обмане индейцев. Он убедился также, что множество крупных

деревьев помечено именами богатых людей колонии и что все хоть сколько-нибудь подрублены топором. То, на которое он присел и которое было, по-видимому, только что свалено, носило на себе имя Кроуниншильда, и он припомнил этого богача, который кичился своим богатством, приобретенным, как передавали на ухо, при помощи морского разбоя.

— С этим уже покончено — пойдет на дрова! — сказал черный человек со злой радостью в голосе. — Люблю, понимаешь, запастись на зиму топливом.

— Но какое ты имел право, — спросил Том, — валить лес дьякона Пибоди?

— Право первенства, — ответил его собеседник. — Эти леса принадлежали мне с незапамятных пор, я владел ими задолго до того времени, как люди вашей бледнолицей породы ступили на эту землю.

— Но скажите, пожалуйста, осмелюсь задать вопрос, кто вы такой? — сказал Том.

— О, у меня много имен! В одних странах меня зовут диким охотником, черным рудокопом — в других. В этих местах я известен под именем черного дровосека. Я тот, кому краснокожие посвятили это местечко; воздавая мне почести, они время от времени поджаривали на костре белого, ведь жертвоприношение такого рода распространяет чудеснейший аромат. Ну а после того как вами, белыми дикарями, истреблены краснокожие, я развлекаюсь тем, что руковожу преследованием квакеров и анабаптистов; кроме того, я — покровитель и защитник работорговцев и великий мастер салемских колдуний.

— В итоге, если не ошибаюсь, — бесстрашно заметил Том, — вы тот, кого в просторечии зовут Старым Чертякой.

— Он самый, к вашим услугам! — ответил черный человек, почти учтиво кивнув.

Так, согласно преданию, началась их беседа; впрочем, она кажется мне чересчур фамильярной, и я сомневаюсь

в правдивости приведенного мною рассказа. Иной мог бы подумать, что встреча со столь необыкновенной личностью, и притом в таком диком и глухом месте, должна была бы по меньшей мере ошеломить всякого, кем бы он ни был; но следует помнить, что Том был парнем отважным, нелегко поддавался страху и к тому же столь долго жил со сварливой женой, что ему и дьявол был нипочем.

Передают, что после вышеприведенного начала они долго и серьезно беседовали и что Том не скоро еще воротился домой. Черный человек рассказал ему о несметных сокровищах, погребенных пиратом Киддом под дубами, что растут на возвышенности, недалеко от болота. Все эти богатства находятся в его власти, пребывают под его защитой и покровительством, и разыщет их только тот, кто отмечен его благосклонностью. Он предлагал предоставить клад Кидда в распоряжение Тома, ибо испытывает к нему исключительную симпатию, но, разумеется, готов это сделать лишь на известных условиях. В чем эти условия состояли, догадаться, конечно, нетрудно, хотя Том и не предал их гласности. Надо полагать, однако, что они были весьма тяжелы, ибо Том попросил времени на размышление, а он был не такой человек, чтобы мешкать по пустякам, когда дело идет о деньгах. Они подошли к краю болота; незнакомец остановился.

— Чем могли бы вы доказать, что все это правда? — спросил его Том.

— Вот тебе моя подпись, — сказал черный человек, приложив ко лбу Тома указательный палец. Произнеся эти слова, он свернул в заросли на болоте и, согласно свидетельству Тома, стал постепенно погружаться в трясину; голова и плечи были видны еще какое-то время; потом он вовсе исчез.

Воротившись домой, Том обнаружил у себя на лбу черный, точно выжженный огнем, отпечаток пальца, и его никакими силами невозможно было стереть.

Первое, что сообщила ему жена, было известие о внезапной кончине Абсалома Кроуниншильда, богача-буканьера. Газеты с обычным в таких случаях пафосом доводили до всеобщего сведения, что «пал среди Израиля муж велий».

Тому вспомнилось дерево, которое срубил и собирался сжечь его черный приятель. «Ну и пусть! Пусть себе жарится этот корсар! Какое кому до этого дело!» И он убедился, что все виденное и слышанное им в течение дня — суцая правда, а не игра его воображения.

Вообще говоря, Том не очень-то откровенничал со своею женой, но на этот раз его тайна была не из таких, которые легко держать при себе, и он волей-неволей поделился ею с супругой. Но едва поведал он о золоте Кидда, как в ней тотчас же проснулась вся ее жадность и она принялась настаивать, чтобы Том согласился на условия черного человека и не упускал возможности обеспечить себя на всю жизнь. Хотя Том и сам был бы не прочь продать душу дьяволу, он решил все же не делать этого, чтобы не уступить, упаси боже, настоящим жены, и из духа противоречия наотрез отказался от этого плана. Его отказ вызвал немало жарких схваток меж ними, но чем больше она настаивала, тем непреклоннее делался Том, отнюдь не желавший брать на себя проклятие в угоду жене.

В конце концов она решила действовать самостоятельно и, если бы ее попытка увенчалась успехом, единолично завладеть всеми богатствами. Будучи столь же бесстрашна, как и ее достойный супруг, она направилась как-то под вечер к старому индейскому укреплению. Протекло немало часов, прежде чем она воротилась. Она была молчалива и избегала отвечать на вопросы. Правда, она упомянула о черном человеке, на которого наткнулась уже в сумерки и который рубил высокое старое дерево. Он был, однако, угрюм и не пожелал вступить с нею в переговоры; ей придется пойти туда еще раз с неким подношением, чтобы умилостивить его, — с каким именно, она сообщить воздержалась.

На следующий день, и опять на закате, она снова пошла к болоту; в своем наполненном до краев переднике она несла что-то тяжелое. Том нетерпеливо ожидал ее возвращения, но его ожидания оказались напрасны; наступила полночь — ее не было, миновали утро, полдень, и опять пришла ночь — жены по-прежнему не было. Тут Том стал беспокоиться, и его беспокойство возросло еще больше, лишь только он обнаружил, что она унесла в переднике серебряный чайник и ложки, вообще все ценное, что только могла взять с собой. Прошла еще одна ночь, миновало еще одно утро — жена так и не возвратилась. Короче говоря, с той поры о ней не было больше ни слуху ни духу.

Что приключилось с нею в действительности, этого не знает никто, несмотря на то, а может быть, и вследствие того, что слишком многие старались это узнать. Эта история принадлежит к числу тех, которые стали темными и запутанными из-за чрезмерно большого числа занимавшихся ею историков. Некоторые из них уверяли, будто, заблудившись в лабиринте тропинок, она угодила в яму или трясину; другие — менее снисходительные — склонялись к тому, что, скрывшись со всеми домашними ценностями, она перебралась затем в другую провинцию, тогда как третьи высказывали предположение, что соблазнитель рода людского завлек ее куда-нибудь в непроходимую топь, поверх которой и была найдена ее шляпка. Говорили — и это также служит доказательством истинности последнего предположения, — что в тот самый день, когда она ушла из дому, якобы видели поздно вечером какого-то дюжего черного человека с топором на плече, который шел со стороны топи и с торжествующим видом нес в руках узел, увязанный в передник из клетчатой ткани.

Наиболее распространенная и в то же время самая достоверная версия настаивает на том, что Том Уокер, обеспокоенный судьбой жены и имущества, пустился в конце концов на поиски их обоих и отправился с этой целью к индейскому

укреплению. В продолжение долгого летнего дня бродил он в этих мрачных местах, но так и не нашел ни малейших следов жены. Он неоднократно звал ее по имени, но никто не откликнулся на его зов. Только выпь, пролетая мимо, отвечала ему, или в ближней луже меланхолически квакала большая лягушка, прозываемая быком. Наконец, как рассказывают, уже во мгле сумерек, в тот час, когда начинают завывать совы и носиться взад и вперед неутомонные летучие мыши, его внимание было привлечено карканьем кружившейся у кипариса стаи ворон. Он поднял глаза и увидел висевший на ветвях дерева узел, завязанный в клетчатый передник, и рядом — огромного коршуна, который, примостившись тут же, нес, казалось, его охрану. Том запрыгал от радости, ибо узнал передник жены и решил, что в нем он вновь обретет домашние ценности.

«Итак, вернем себе наши вещи, — подумал он с облегчением, — и обойдемся как-нибудь без жены».

Том влез на дерево; коршун, расправив могучие крылья, поднялся с места и с клекотом улетел во тьму вечернего леса. Том схватил клетчатый узел, и — о ужас! — в нем не было ничего — ничего, кроме человеческого сердца и печени.

Вот и все, что, согласно наиболее достоверной версии, осталось от жены Тома. Быть может, она попыталась вести себя с черным человеком так же, как привыкла вести себя с мужем, но хотя на сварливую женщину смотрят обычно как на достойную пару для дьявола, тем не менее на этот раз ей пришлось, видимо, солоно. Она пала, впрочем, смертью храбрых, ибо, как рассказывают, Том обнаружил у подножия дерева глубоко врезавшиеся в землю отпечатки копыт, а также клочок волос, вырванных, надо полагать, из жесткой шевелюры широкоплечего дровосека. Том знал по опыту, что представляла собою отвага его жены. Осмотрев следы отчаянной схватки, он только пожал плечами. «Вот это да! — сказал он, обращаясь к себе самому. — Тутовато пришлось, однако, этому черту!»

Потеряв имущество, Том нашел для себя утешение в потере жены: ведь он был человеком мужественным и стойким. Больше того, он испытывал даже нечто похожее на благодарность к черному дровосеку, так как считал, что тот оказал ему значительную услугу. По этой причине он решил поддерживать это знакомство и в дальнейшем, но все попытки его встретиться с дьяволом некоторое время не имели успеха; старый плут вел осторожную и осмотрительную игру, ибо хотя и принято думать, что он является по первому зову, на самом деле ему отлично известно, когда выгоднее всего «показать козырь», и он выпускает его только тогда, когда убежден в верном выигрыше.

Наконец, гласит предание, когда Том окончательно потерял терпение и решил пойти на любые условия, лишь бы не упустить вожделенных сокровищ, он повстречал однажды вечером черного человека, который, как всегда, в одежде дровосека, с топором на плече, медленно прогуливался по краю болота и напевал какую-то песенку. Сделав вид, что ему в высшей степени безразличны и Том, и его попытки к сближению, он продолжал идти своей дорогой, бросая с пренебрежительным видом короткие, отрывистые ответы и по-прежнему мурлыча себе под нос.

Тому удалось, однако, постепенно перейти к разговору о деле, и они принялись торговаться об условиях, на которых черный человек соглашался передать ему богатства пирата. Среди прочих условий не было забыто и то, о котором нет надобности распространяться, ибо оно неизменно подразумевается во всех тех случаях, когда дьявол дарит свою благосклонность. Но и в числе менее существенных условий были такие, от которых он ни за что не хотел отступить; он требовал также, чтобы деньги, которыми Том завладеет при его помощи, были использованы в его видах. Он предлагал, например, чтобы Том вложил их в работоторговлю, а именно снарядил корабль для перевозки черных невольников. От